

Мы ползли очень, очень долго и наконец съехали с шоссе, свернув на узкую дорогу, ведущую к дому Цзяхуэй и Вэй. В снежную ночь эта крутая и ухабистая дорога действительно таила немало трудностей. Я осторожно держал руль; вокруг царил непроглядный мрак, и наша машина ползла черепашным шагом. К счастью, в свете фар даже сквозь метель отчетливо виднелся дорожный знак, предупреждавший о крутом повороте. Я аккуратно припарковал машину у обочины и выключил фары — впереди не было видно ни зги. Дорожная полоса давно превратилась в сплошное белое полотно, которое под тусклым светом у входа в многоквартирный дом едва заметно уходило вперед. Однако я знал: там, впереди, дорога круто взмывала вверх по склону горы. В том направлении, куда она тянулась, дороги не было вовсе — лишь невысокий, но крутой обрыв, сейчас целиком скрытый во тьме. Быть может, моя память подобна этой дороге во тьме: она бесконечно тянется по следам былых впечатлений, давно сойдя с реальных рельсов, и лишь продолжает стелиться над бездонной, черной пропастью. Мы добрались до дома уже поздно. Я торопливо бросил в кипящую воду пельмени, которые мы слепили еще днем. Цзяхуэй хлопотала за моей спиной, разыскивая приправы к столу: соевый соус, уксус, чеснок и кунжутное масло. Вэй стоял посреди комнаты, чувствуя себя немного растерянно. В конце концов, это была чужая квартира, чужой город и чужая страна. Здесь все было чужим. К тому же он наверняка очень устал с дороги.

— Где чеснок? Мы же только в обед покупали? — спросила Цзяхуэй.

Вэй растерянno обернулся на месте.

— В холодильнике, в выдвижном ящике, я положил его туда, — ответил я.

Цзяхуэй открыла холодильник и с улыбкой произнесла:

— Зачем прятать так надежно? От воров, что ли?

Я было хотел поддакнуть и улыбнуться, но заметил, что Вэй хмурится, а во взгляде читается суровость. Я тут же стер с лица еще не успевшую распуститься улыбку. Да я и сам не находил здесь ничего забавного. Я протянул Вэю шумовку и сказал:

— Разве гостеприимно с моей стороны позволять гостю хлопотать?

Пельмени и вправду удались на славу. Жаль только, что в самых последних партиях многие разварились. Возможно, их варили слишком долго или мешали слишком сильно. А может, тот, кто их варил, был ужасно рассеян. Вскоре мы все отложили палочки. Аппетит у Цзяхуэй от природы был небольшой, Вэй наверняка вымотался в дороге, ну а я... я вовсе не чувствовал голода.

Цзяхуэй сказала, что А-Вэй, должно быть, сильно устал, и предложила лечь пораньше. Я тут же поднялся, чтобы попрощаться.

Цзяхуэй добавила:

— На улице такой сильный снег, оставайся-ка ночевать здесь!

Я перевел взгляд на Вэй. И снова заметил в его глазах какое-то неуловимое движение — то ли колебание, то ли затаенную обиду. Я не мог бы сказать наверняка, потому что все исчезло слишком быстро, растворившись в мгновение ока. Вэй молча ушел в спальню. Я тут же быстрым шагом покинул квартиру. Я и не собирался здесь оставаться. Я уже давно пожалел, что вообще пришел на этот ужин. Тем более что воздух в комнате казался почти разреженным.

Действительно, было уже очень, очень поздно. Снег все еще шел, но уже не так сильно, как прежде. Рождественские колокола, должно быть, уже отзвенели. И без того пустынные улицы давно опустели от людей. И все же праздничная иллюминация на окнах и дверях домов все еще ярко сияла, и в сочетании с падающим снегом это создавало поистине чистое и прекрасное рождественское ночное зрелище. Я наконец-то почувствовал толику праздничной атмосферы. За оконным стеклом в гостиной одного из домов горел свет; людей внутри не было видно — должно быть, все уже спали. Наряженная разноцветными огнями рождественская ель одиноко стояла посреди комнаты. Впрочем, это одиночество продлится недолго. Уже завтра утром, с рассветом, маленький хозяин этого дома с воплями прибежит к ней, с восторгом сорвет подарки из-под ветвей, а затем с визгом бросится в объятия родителей.

Из автомобильных динамиков по-прежнему доносилась ленивая песня. Снова та самая, самая декадентская песня о розах и о счастье. Ты счастлив, значит, счастлив и я, розы уже распустились, чего же еще мне желать, о чем просить, о чем не просить... Редкая удача, сотворенная небесами, радость, гнев и печаль — позволь мне снова пойти по твоим стопам, снова пойти по твоим стопам. Как же мне снова пойти по твоим стопам?

Только что Вэй с таким растерянным видом стоял посреди комнаты, нахмурившись, суровый и молчаливый. Неужели он тоже питает ко мне отвращение? Точно так же, как я столько лет питавл отвращение к нему?

Я вдруг снова вспомнил про А Лань. В рождественскую ночь в Лос-Анджелесе наверняка нет снега. Но будут ли там эти праздничные гирлянды? Что станет делать А Лань в эту радостную, но безлюдную ночь? С кем он разделит рождественский ужин?

Я заставил себя перестать думать об этом. И как вообще я могу повторять чужие ошибки?

Машина наконец довезла меня до жилья. В доме не горел свет. Я вдруг вспомнил, что иудеям не нужно праздновать Рождество. К тому же пожилая хозяйка дома упоминала, что собирается в Чикаго, чтобы встретить Новый год вместе с внуком, и отправлялась в путь, кажется, как раз сегодня. Мои опасения насчет того, что она пригласит меня присоединиться к рождественскому ужину, оказались до смешного излишними.

Я припарковал машину у обочины и быстрым шагом направился к дому. Это было временное убежище, принадлежащее мне. Пусть темное и одинокое, но по крайней мере теплое. Этот запоздалый буран, казалось, вернул с процентами весь холод, который копился здесь целыми днями.

Я уже собирался ступить на крыльцо, как вдруг заметил худую, вытянутую фигуру всего в двух-трех метрах от себя. Он стоял у входа, словно изваяние — молчаливый и неподвижный.

Ночь выдалась поистине черной. Он стоял вполоборота, опустив голову. Во тьме можно было лишь смутно различить очертания прямого, гордого носа. На нем была надетая низко на глаза кепка. Черная кожаная куртка слегка отсвечивала. Одна его нога была выпрямлена, а другая слегка согнута — стройные, тренированные ноги сразу выдавали человека, привыкшего к серьезным физическим нагрузкам.

Я сделал шаг вперед и обнял его за плечи. Гладкая кожа была ледяной. Я изо всех сил позвал:

— А Лань!

Но собственный голос показался мне слабым и дрожащим.

Я втащил А Ланя в свое темное убежище и щелкнул выключателем. Я не обращал внимания на то, как намерзший на его одежде снег превращается в бесчисленные ручейки, которые тягуче стекают на ковер. Густой туман покрыл линзы его черных очков в тонкой оправе. Из-за этого я не мог разглядеть его взгляд — видел лишь раскрасневшиеся, осунувшиеся щеки с чуть выступающими скулами. Его крепко сжатые губы тоже покраснели, слегка отдав синевой. Нижняя губа чуть побелела, словно ее до крови закусил зубами, — казалось, такая тонкая-тонкая.

Я снял с него кепку и стянул черную кожаную куртку. Под ней оказался лишь белоснежный шерстяной свитер, высокий ворот которого сейчас почти насквозь вымок. Тело его словно стало еще тоньше, чем прежде, и пылало не привычным теплом, а пронзительным холодом.

Он всё еще стоял на месте, а запотевшие стекла очков постепенно становились прозрачными. Но я вдруг оробел и не нашел в себе мужества заглянуть в глаза за этими стеклами. Я легко надавил ему на плечи, но тело его упрямо оцепенело. Нет, не то чтобы совсем оцепенело — оно едва заметно дрожало. Еле уловимо, почти неразличимо дрожало. Несколько прядей прямых волос, упавших ему на лоб, тоже чуть подрагивали в такт.

Я бросился в ванную, схватил банное полотенце и завернул в него А Ланя. Мне хотелось прижать его к себе, согреть его замерзшее тело собственным теплом или растереть своими руками его окоченевшую грудь. Да! Мне безумно хотелось обнять его! За всю свою жизнь я еще никогда с таким исступленным желанием не стремился заключить кого-то в объятия.

И все же я боялся. Я боялся коснуться жестких костей под его разгоряченными мышцами, боялся, что его щеки снова вспыхнут и обожгут мое лицо, как в тех снах. Мои руки осмелились лишь поверх полотенца легко поддержать его всё еще широкие плечи.

Наконец, подчинившись давлению моих ладоней, он присел на край кровати. Я торопливо опустил на колени и стал стягивать с него ботинки. Кожа на них размокла от снега, на ощупь она была гладкой и ледяной, черной и блестящей. Я бережно развязал промокшие шнурки, но налипший на подошвы снег всё же сорвался на ковер, превратившись в два комка черной грязи — точь-в-точь как снежки, которые я лепил в детстве.

Его белые носки тоже промокли насквозь. Я осторожно стянул их. Стопы у него были бледными и ледяными.

Не знаю, откуда во мне взялась решимость, но я поднял голову и заглянул ему в глаза. Однако он не смотрел на меня. Его взгляд, пустой и отрешенный, уходил куда-то в самый темный угол этого убежища.

Я больше не мог сдерживать свое неистовое желание, грудь моя вот-вот готова была вспыхнуть пламенем. Стоя на коленях на ковре, я расстегнул собственную одежду и глубоко погрузил ступни А Ланя себе в грудь, плотно прижав их к раскаленному торсу. Я остужал ими свое пламенеющее, готовое сгореть изнутри сердце.

Он задрожал еще сильнее. Он уже беззвучно всхлипывал. Но я не позволял этим ледяным ногам покинуть мою грудь! Я хотел прижать их еще крепче, буквально вплавить в свое тело!

Я гладил его лодыжки — гладкие и ледяные лодыжки. Что это упало на них? Разбилось о кожу? Брызнуло на тыльную сторону моей руки? Неужели это мои слезы? Я плакал? Неужели мне больше не нужно это умение сдерживать слезы?

Я медленно опустил голову, и мой подбородок, моя щека прижались к его нежному, но острому

подъему стопы. Оборвавшиеся там горячие слезы скатились обратно к моим губам, проникли в рот — соленые, чуть вязущие. Комок черной грязи под моими коленями уже пропитал джинсы, ледяным холодом касаясь кожи.

Его ступни постепенно теплели. Но вдруг он резко выдернул ноги и встал.

Сунув руку в карман брюк, он что-то оттуда вытащил и бросил на изголовье кровати. Прямо передо мной.

Две стодолларовые купюры.

Его плечи все еще едва заметно подрагивали. А взгляд по-прежнему безучастно устремлялся в темный угол комнаты.

— Эти двести долларов я тебе должен, — сказал он. — Ты должен мне не полторы тысячи, а всего тысячу триста, но прислал чек на полторы.

И добавил:

— Поздравляю, твоя девушка очень красива. Сегодня днем у реки я видел вас двоих.

Я смотрел на эти две купюры. Они медленно планировали с изголовья на пол.

Я словно внезапно оказался парализован. Мои руки не шевелились — я не мог поднять те бумажки, засыпанные грязным снегом и раскиданные по ковру. Сегодня днем у реки, в тот момент, когда подул ледяной ветер и Цзяхуэй спряталась в моих объятиях, я расслышал резкий визг автомобильных шин, резко набирающих скорость. Неужели это была арендованная А Ланем машина?

Мое сердце оцепенело, оцепенело настолько, что рассыпалось на куски, и каждый осколок, каждый кусочек вонзился в самые дальние уголки грудной клетки.

Он начал надевать те самые влажные белые носки.

Я должен встать! Я должен обнять его и сказать, что всё было совсем не так. Но я по-прежнему был парализован. Мои конечности онемели и не повиновались мне.

Внезапно зазвонил телефон. Этот резкий, пронзительный звук пронесся током по всему моему телу.

Я резко вскочил на ноги и схватил А Ланя за руку.

Он замер на месте и в упор посмотрел мне в глаза. Вот он какой, его взгляд — до боли знакомый и в то же время чужой.

Я наконец уверовал в то, что А Лань ненавидит меня точно так же, как когда-то я ненавидел Вэя. Но теперь я испытывал ненависть лишь к самому себе — и эта ненависть была настолько глубокой, что меня охватил испуг.

Я продолжал держать его за руку. Но что я мог сказать? Разве это не я с жестоким упорством засунул чек на полторы тысячи в конверт? Разве не я тайком выключил автоответчик у изголовья кровати? Разве не я зарыл дневник А Ланя на самом дне чемодана?

Что я мог сказать в свое оправдание? Если я так ненавидел самого себя, то разве мог А Лань не ненавидеть меня?

Телефонный звонок продолжался, пронзительный и неуместный.

— А Лань, не уходи! — наконец вырвалось у меня.

— Я прождал тебя весь вечер только для того, чтобы вернуть деньги. Теперь долг отдан, и я могу вернуться в Лос-Анджелес.

А Лань отвел взгляд. Он снова посмотрел в тот темный угол. Уголки его губ чуть опустились вниз, словно он из последних сил сдерживал слезы.

Мое сердце было разбито вдребезги.

— Не уходи, А Лань, умоляю, не уходи... — взмолился я.

Разве были у меня еще какие-то слова? Как вообще я мог себя оправдать?

— Мне еще нужно успеть на самый ранний рейс.

Он резко вырвал руку — решительно, без колебаний. В его глазах все еще блестели слезы, но голос звучал неожиданно ровно:

— Ответь на звонок, телефон звонит уже давно.

Я в каком-то оцепенении, механически поднес трубку к уху.

Из динамика донесся надрывный плач Цзяхуэй. Голос ее был резким и чистым, он проникал в каждый уголок этого убежища.

— Сяодун, Сяодун, мы поссорились! А-Вэй он... он говорит, что я... что я с тобой...

А Лань тем временем натягивал свои блестящие черные ботинки.

— Говорит, что начал подозревать меня уже давно, говорит, сколько раз он звонил из-за океана — то меня нет дома, то линия занята...

А Лань завязывал шнурки.

— А Лу Минь еще подсказала ему позвонить к тебе домой и сказала, что если найдет Сяодуна, то найдет и меня!

А Лань надел черную кожаную куртку и натянул кепку.

— А-Вэй даже слушать меня не хочет! Я никогда не видела его таким разъяренным. Мы поссорились, и он выбежал на улицу! Что мне делать? Где мне его искать?

А Лань, сосредоточенный и собранный, застегнулся доверху и зашагал к выходу. Его кожаные ботинки тяжело застучали по деревянной лестнице. У меня внутри всё сжималось и заходило судорогой в такт этим шагам.

Он уже почти скрылся за поворотом лестницы, но вдруг остановился и обернулся. Во тьме, сквозь линзы очков в темной оправе, его глубокий взгляд пронзил меня насквозь, вонзившись

прямо в тело!

— Сяодун! Приезжай скорее! Умоляю тебя, выручай! Почему ты молчишь? — голос Цзяхуэй зазвучал еще громче, раскатываясь по комнате.

А Лань отвернулся и зашагал дальше с удвоенной решимостью. Я услышал, как распахнулась и захлопнулась входная дверь. Затем взревел автомобильный мотор. Звук удалялся всё быстрее.

Цзяхуэй зарыдала с новой силой.

Я судорожно бросил трубку, вылетел из дома, запрыгнул в машину и завел двигатель.

Мне нужно было в аэропорт. Я должен был проводить А Ланя. Пусть даже я знал, как сильно он меня ненавидит.

Небо все еще оставалось черным. Но снег наконец перестал.

Когда я добрался до аэропорта, там всё сияло огнями. На утренние рейсы уже началась регистрация. Для рождественского утра в аэропорту было неожиданно многолюдно. Спешили ли все эти люди домой или направлялись в гости к родственникам и друзьям — в любом случае они ждали воссоединения. Я же приехал сюда ради разлуки.

В такое хлопотное утро, при таком изобилии авиакомпаний, откуда мне было знать, на какой рейс сядет А Лань?

Я безумным взглядом шарил по мониторам каждой авиакомпании, выискивая выходы на посадку и время вылета всех самолетов, направляющихся в Лос-Анджелес.

Ближайший рейс принадлежал авиакомпании Нортвест Эйрлайнс. Вылет значился в пять пятьдесят утра, посадка через выход A15. Я взглянул на часы — пять двадцать. Посадка уже началась!

Пробежав контроль безопасности, я помчался к выходу A15.

Издалека я заметил спину А Ланя. Я бежал, рассекая толпу, задевая чьи-то рюкзаки и спотыкаясь о чужие чемоданы; кто-то оборачивался с раздражением, кто-то хмурился и ворчал себе под нос. Но мне было всё равно — нужно было прибавить скорости, выискивая любую щель в людском потоке. Я должен был догнать его, должен был проводить!

Он уже подорошел к посадочному терминалу. Белокурая девушка в форме Нортвест с улыбкой принимала у него посадочный талон.

Мне вдруг захотелось крикнуть, захотелось сказать ему, что я пришел проводить его. Но горло словно свело спазмом, я не мог вымолвить ни слова. Зачем ему знать, что я пришел проводить его? Зачем нарушать его шаг перед посадкой?

У белокурой сотрудницы авиакомпании была очаровательная улыбка, а я? Я — человек, который вызывает у него такое отвращение. Захочет ли он вообще видеть меня в минуту отъезда?

Те двести долларов валялись на ковре в подвале. Валялись среди двух комков черной грязной жижи. Быть может, он был прав, и мы больше ничего друг другу не должны.

Девушка, похоже, завершила проверку. А Лань уже ступил за порог терминала, но вдруг замер и обернулся, оглядывая толпу.

Я испарился, в панике нырнув за колонну. В далеких светящихся стеклах отразилась фигура А Ланя: он стоял, повернув голову, словно пытаясь что-то отыскать.

Стоящие позади в очереди пассажиры зашумели, подгоняя его, а девушка легко тронула его за плечо. Наконец А Лань сделал шаг вперед и в одно мгновение растворился за дверями терминала.

А следом туда же, в узкий проход, несконемым потоком вливалась толпа людей. Те, кто остался снаружи, переговаривались, махали руками или обнимались. Кто-то ехал в одиночку — они терпеливо стояли в длинных очередях в ожидании своего часа.

В голове было пусто. Куда мне теперь идти?

Я повернулся и медленно поплелся к выходу из аэропорта. А Лань наконец ушел. Моя запутанная память, кажется, тоже подошла к черте, за которой должна закончиться.

Я наконец-то отчетливо понял: я больше не ненавижу Вэя. Теперь я ненавижу лишь самого себя.

Я должен сказать Вэю: все эти долгие-долгие годы мы были связаны с ним узами взаимных терзаний. Даже находясь вдали от него, я никогда по-настоящему не покидал его жизнь, равно как и он — мою. Но с сегодняшнего дня я навсегда вычеркну себя из его жизни, больше никогда не стану вторгаться в его судьбу и судьбу Цзяхуэй.

Мои шаги становились все легче, и в конце концов я едва ли не побежал. Моя старенькая Тойота мчалась по шоссе. Вчерашний снег сгребли снегоуборочные машины и свалили высокими сугробами у обочин. Широкое полотно дороги было густо усечено грязными разводами от растопленной солью жижи.

Припарковавшись у дорожного знака, предупреждающего о крутом повороте, я бросился наверх и нетерпеливо зазвонил в дверь квартиры Вэя.

Вэй со свинцово-серым лицом отпер дверь. Из приоткрытой двери спальни доносились приглушенные всхлипывания Цзяхуэй. Судя по всему, отлучка Вэя продлилась недолго, но сама ссора, казалось, так и не завершилась.

Этому должен прийти конец! Всё должно закончиться.

Я вдруг почувствовал странную легкость — идущую из самых глубин души, никогда прежде не испытанную легкость!

Лицо Вэя искажала такая гримаса обиды и гнева, словно весь мир перевернулся вверх тормашками и придавил его своей тяжестью. Густые брови на лбу сошлись на переносице в один комок. Глаза были густо исчерпаны сетью кровавых прожилок. Его некогда глубокий взгляд походил на языки пламени, которые были готовы выплеснуться наружу.

Мне еще никогда не доводилось видеть его столь яростным.

— Сядун, а ты вовремя! — прорычал он сквозь зубы.

В конце концов, это чужой город, чужая страна, и даже в гневе он сохранял долю робости, оглядываясь на приличия. Он старался говорить как можно тише, опасаясь встревожить незнакомых соседей за стеной.

— Да, — ответил я всего одним словом, смело поднимая глаза навстречу его взгляду.

Я пришел поставить точку во всем этом; ни перед ним, ни перед Цзяхуэй я больше не чувствовал ни малейшей вины.

— Ты... Юй Цзяхуэй во всем призналась! Ты... как ты мог... — его ярость вспыхнула с новой силой.

— Призналась? В чем призналась? О чем вообще речь? — я опешил.

— Тьфу! Тебе обязательно нужны слова? Бесстыдники! Вы... вы изо дня в день... кувыркаетесь вместе... Ты мне не друг! У меня нет такого друга! Ты... ее друг, ее любовник!

Он кипел от гнева так, будто в любую секунду был готов взорваться.

<http://bllate.org/book/21154/2144375>